

А Цзинь оказался прав: вот уже несколько дней подряд небо в Юйцзине не прояснялось. Косые потоки дождя, нависшие тяжелые тучи — всё это давило так, что даже резные украшения на коньках дворцовых крыш утратили свой грозный вид.

Нин Фу следовала его наставлениям: каждый вечер перед сном, погасив свет и задернув полог, она украдкой наносила целебную мазь. К сегодняшнему дню раны почти затянулись, а баночка опустела.

Однако она не стала выбрасывать её, а воспользовалась моментом во время купания, чтобы под предлогом отослать Цю Куй и Дун Мэй, аккуратно промыла пустую емкость и спрятала в своей шкатулке с украшениями. Вещица была маленькой, прикрытая сверху нефритовыми бусинами, никто бы её и не заметил. Нин Фу сама не понимала, зачем хранит её, но эти дни в заточении во дворце Чжици тянулись невыносимо медленно, и порой, от скуки, она доставала баночку, чтобы просто подержать в руках.

Слушая мерный шум дождя, Нин Фу без особого интереса отложила золотую лопаточку для благовоний, поднялась с кушетки и поправила юбку. Желания заниматься ароматерапией больше не было. Она подошла к окну и, глядя на поникшие под тяжестью дождя цветы бегонии в кадке, невольно вздохнула о красоте, увядающей в непогоду. Взгляд её затуманился, а пальцы коснулись почти зажившей кожи на левом запястье. Впервые в жизни она так сильно ждала ясного дня.

На четвертое утро Нин Фу проснулась необычайно рано. Увидев за окном сияющее солнце, она невольно расцвела: дождь наконец закончился, и на душе стало удивительно легко.

Было ещё совсем рано, но усидеть на месте она не могла. Позвонив в колокольчик, чтобы вызвать служанок, она привела себя в порядок и, облачившись в нижнее платье цвета ясного неба, села перед зеркалом. Нин Фу велела Дун Мэй принести то самое нежно-голубое платье из парчи с вышитыми золотом фениксами, которое только вчера прислали из Ведомства одежды.

Внимательно изучая свое отражение, Нин Фу слегка нахмурилась:

— Говорить о пустяках — одно, а вот посмотри внимательнее: не слишком ли старательно я нарядилась? Может, стоит немного стереть...

Она с сомнением покачала головой. Ей самой образ очень нравился, и стирать старательно наложенный макияж было жаль, но в глубине души она почему-то боялась, что кое-кто сразу поймет, к чему все эти приготовления.

— Правда? — переспросила она, когда Дун Мэй и Цю Куй принялись помогать ей одеваться. К тому времени, как на плечи легла легкая накидка, любопытство взяло верх, и Дун Мэй осторожно спросила: — Ваше Высочество, вы так старательно прихорашиваетесь, неужели идете на встречу с кем-то важным?

Нин Фу, услышав насмешливый тон служанок, лишь промолчала, как обычно — ни подтверждая, ни отрицая.

Дун Мэй бросила взгляд на приготовленное платье цвета туманного пурпура, которое идеально гармонировало с заколкой в виде «руки Будды», украшающей прическу принцессы. Было видно, что хозяйка подошла к делу с душой.

В императорской семье политические браки были обычным делом, и многие принцессы жертвовали своим счастьем ради интересов рода. К счастью, генерал Се Цзюнь был не только хорош собой, но и выдающимся талантом как в гражданских, так и в военных делах. С юности он возглавлял войска, прошел десятки сражений и лишь однажды, три года назад при осаде Юнци, потерпел поражение. Поистине, он был тем молодым полководцем, которому не страшно доверить судьбу.

Император давно стремился упрочить связи между императорским домом и семьей Се, а династические браки были самым надежным средством. Учитывая особую привязанность государя к Пятой принцессе, если бы она сама выразила желание, эта выгодная партия досталась бы именно ей. Все во дворце прекрасно знали об этом, поэтому Дун Мэй и Цю Куй позволяли себе шутить о резиденции генерала.

Цю Куй, заметив довольную улыбку принцессы, наконец поняла, что та в прекрасном настроении — прямо как ясное небо за окном. Она решила поддержать разговор:

— Тогда позвольте нам угадать: неужели Армия Чиюй возвращается в столицу, и Ваше Высочество так тщательно принарядилась, чтобы отправиться в резиденцию генерала?

Дун Мэй на мгновение затаила дыхание. Даже привыкшая к красоте принцессы, она была поражена: сегодня Нин Фу выглядела необычайно зрелой и притягательной, словно небесная фея, спустившаяся в мир людей.

Нин Фу заметила движение и, повернув голову, грациозно произнесла:

— Чего застыли? Я жду, когда вы подадите платье.

Цю Куй, спохватившись, добавила:

— Может быть, вы поедете вместе с наследным князем? Правда, раз Армия Чиюй возвращается сегодня, в столице должно быть шумно, а здесь — ни звука...

Нин Фу вскинула брови и легонько щелкнула Цю Куй по лбу:

— Кто вам сказал, что Армия Чиюй уже в столице? Я покидаю дворец вовсе не ради резиденции генерала.

Служанки переглянулись в недоумении. Если не для того, чтобы встретить генерала Се, и не

для визита к отцу-императору или матушке-императрице, то кто же в Поднебесной удостоился такой чести, что принцесса решила принарядиться?

По пути к своей резиденции Нин Фу пребывала в отличном расположении духа. Она сидела прямо, сложив руки на коленях, стараясь не помять изысканную прическу на ухабах. Однако по мере приближения к цели возница-евнух начал нервничать: из-за затяжных дождей дорога превратилась в сплошное месиво из луж и грязи. Он долго выбирал место для остановки, боясь побеспокоить высокородную особу.

Заглянув в щель занавески, Нин Фу поняла причину заминки. Взглянув на подол своего неземной красоты платья, а затем на грязные колеи, оставленные колесами, она поморщилась — её охватило отвращение к грязи. Солдаты, охранявшие резиденцию принцессы, не решались подойти ближе, соблюдая приличия.

Нин Фу, помедлив, указала на относительно сухой клочок земли:

— Остановите там.

Избежать грязи совсем не удалось, но, выйдя из кареты, она с большим трудом, стараясь не замарать подол, перебралась на сухое место.

«Хорошо... хоть так», — подумала она, радуясь сохранности платья. Но стоило ей развернуться, как из-за поворота донесся яростный топот копыт. Судя по звуку, всадники неслись во весь опор.

Нин Фу остановилась, возмущенная такой наглостью. В императорском городе строго запрещалось скакать верхом по улицам средь бела дня. Даже наследный князь из рода Ван, напившись, как-то раз устроил скачки в переулках и покалечил человека — тогда его наказал Верховный суд, что бросило тень на весь род. Кто же осмелился нарушить закон столь демонстративно?

Всадники приближались. Первой в глаза бросилась фигура в ярко-красном платье — всадницей была женщина. Нин Фу мгновенно узнала Принцессу Наньюэ, чье высокомерное поведение в последнее время стало притчей во языцех в Юйцзине.

Нин Фу не собиралась вступать в конфликт посреди улицы: это могло повредить репутации государства Да Ли. Она решила просто уйти и поискать А Цзиня, но топот стал пугающе громким. Послышались крики стражников: «Ваше Высочество, берегитесь!»

В следующее мгновение на неё обрушились тяжелые копыта разъяренного коня. Нин Фу в испуге отпрянула, едва устояв на ногах, но подол её платья оказался безнадежно испачкан грязью.

Она в ярости обернулась:

— Что ты творишь?!

Принцесса Наньюэ лишь самодовольно усмехнулась. Она резко натянула поводья, заставив коня встать на дыбы, и брызги грязи окончательно окропили платье Нин Фу.

Принцесса Да Ли застыла, глядя на испорченную вещь. Гнев захлестнул её. Но виновница с невинным видом обратилась к своему коню:

— Проклятая тварь! Как ты смеешь так грубо обращаться с Пятой принцессой? Жить надоело?

Затем она перевела взгляд на Нин Фу:

— Пятая принцесса, не стоит сердиться на животное. Эта ткань — дар нашего государства Наньюэ. Уверена, у вас в гардеробе найдется ещё немало платьев.

Нин Фу поняла: её наряд, сотканный из присланного Наньюэ шелка, стал поводом для этой грязной мести. Она закусила губу. Разве можно так нагло себя вести?

Нин Фу приказала страже схватить дерзкую девушку:

— Сегодня я намерена разобраться с этой «тварью».

Принцесса Наньюэ помрачнела:

— Посмотрим, кто осмелится! Времена изменились. Юнцы только что закончила междоусобную войну, и новый император хочет подчинить Северные степи. Если Да Ли не будет искать союза с соседями, как оно выстоит? Даже ваш государь принимает нас с почестями, вы-то куда лезете?

Нин Фу замерла, а солдаты в нерешительности остановились. Отец никогда не обсуждал с ней политику, но тон Принцессы Наньюэ звучал слишком уверенно, чтобы быть ложью. Если государство действительно в трудном положении, то из-за испорченного платья раздувать скандал — верх неблагоразумия.

Видя, что Нин Фу сжимает кулаки от бессилия, Принцесса Наньюэ насмешливо оглядела её с высоты седла. Этот взгляд был хуже всяких слов. Нин Фу едва сдерживала слезы обиды, но не хотела показывать слабость перед этой выскочкой.

Глубоко вздохнув, она твердо ответила:

— Да Ли уважает гостей, но не станет унижаться. Если вы хотите мира, то должны проявлять искренность, а не демонстрировать высокомерие. Надеюсь, это не подстрекательство вашего господина?

— Ты... — Принцесса Наньюэ осеклась. Она понимала, что дипломатия — дело тонкое. — Это

была случайность. При чем тут мой отец?

— Случайность? Что ж, если вы так говорите, я прощу вас. Но в Да Ли строгие законы, запрещающие скачки в черте города. В следующий раз будьте осторожнее, — Нин Фу выпрямилась, подчеркивая свой статус.

Принцесса Наньюэ рассмеялась:

— Даже если хочешь наказать, твои солдаты не посмеют тронуть меня. А ты — изнеженная куколка, не знающая, как держать в руках меч, что ты мне сделаешь?

Нин Фу не могла возразить. Да Ли издавна почитало ученых, а не воинов, и благородные девицы не знали, что такое оружие. Но она не собиралась сдаваться:

— У меня не было случая учиться, но если бы я тренировалась с детства, то не уступила бы тебе!

— Самоуверенная глупышка.

Принцесса Наньюэ, почувствовав вызов, взмахнула хлыстом прямо перед лицом Нин Фу. Она не собиралась наносить удар, её целью было напугать принцессу до слез. Но хлыст не достиг цели — его на лету перехватил чей-то тонкий гибкий кнут.

Принцесса Наньюэ дернула, но кнут, казалось, врос в её оружие. Оглянувшись, она увидела обычного солдата в доспехах Да Ли.

Нин Фу, пошатнувшись от порыва ветра, почувствовала, как чьи-то крепкие руки подхватили её за талию. Обернувшись, она с изумлением увидела А Цзиня.

— Ты... — прошептала она.

А Цзинь, едва коснувшись её уха, прошептал так, что слышала только она:

— Не бойся. Я заплачу за тебя.

Прежде чем Нин Фу успела что-то сказать, А Цзинь одним резким движением дернул кнут, вырывая его из рук Принцессы Наньюэ, и стащил её с седла. Гордая девица с грохотом рухнула прямо в самую глубокую и грязную лужу.

Нин Фу невольно распахнула глаза. А Цзинь мастерски выбрал самое подходящее место! Теперь гордая Принцесса Наньюэ, с головы до ног покрытая жижей, выглядела куда хуже, чем сама Нин Фу.

На душе стало так легко! Нин Фу, сохраняя невозмутимый вид, украдкой взглянула на А Цзиня. Тот ответил ей внимательным взглядом, и она едва заметно приподняла бровь, поощряя его.

Этот её взгляд — лукавый и манящий — заставил А Цзиня перехватить дыхание. Эта девчонка... она явно дразнит его. Его пальцы невольно сжались в кулаки.

<http://bllate.org/book/21012/2136238>